

ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА

ПЕРВЫЙ И

Последний

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Первая любовь

Екатерина Орлова

Первый и последний

«Автор»

2020

Орлова Е.

Первый и последний / Е. Орлова — «Автор», 2020 — (Первая любовь)

В моей жизни была лишь карьера, пока случай не вернул в нее Дрю Нортон, ставшего моим первым мужчиной. Из симпатичного парня он вырос в потрясающе красивого мужчину, перед которым просто невозможно устоять. Но меня удерживает понимание того, что я не могу подарить ему настоящее, полноценное счастье. Вот только, кажется, Дрю это не останавливает, потому что он вознамерился заполучить меня любой ценой. Говорят, старая любовь не ржавеет? Пришло время проверить эту теорию. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

– Какого черта? – медленно шепчу, отнимая стакан с кофе от губ.

Внимательнее всматриваюсь в текст документа и у меня перед глазами начинает плыть комната. Я покрываюсь испариной. Ненавижу этого мудака всеми фибрами своей души.

– Долли, ты в порядке? – испуганно спрашивает мой помощник Дилан Дидье, сокращенно ДиДи.

Я на автомате киваю, продолжая изучать глазами иск от своего без пяти минут бывшего мужа. Этот подонок смеет наложить лапу на мой дом. Он хочет забрать половину купленного на мои деньги дома с видом на холмы, а мне великодушно оставить машину, которую подарил на нашу первую годовщину. Захлопываю ноутбук, зажимаюсь и, поставив локти на стол, впиваюсь пальцами в корни волос. Как же все это мерзко и низко. Хочется пойти и принять душ, чтоб стереть с себя следы пяти лет брака с этой тварью. Он ведь знает, как я усердно работала, чтобы заработать на этот дом. Это же была моя мечта, черт его раздери!

Не позволяя себе раскиснуть, поднимаю голову и распахиваю глаза. Дилан стоит передо мной со все тем же встревоженным взглядом. Осматриваю его розовую футболку и джинсы скинни, которые того и гляди лопнут в причинных местах, настолько обтягивают его. Невольно кривлюсь.

– Слушай, купи себе нормальные джинсы.

Он ухмыляется.

– А что с этими не так?

Я завороченно смотрю на его широкую улыбку, которая ярко выделяется белизной на его темной коже. Красивый парень. Надо будет его попробовать задействовать в новом фильме про подростков. Мой режиссерский мозг начинает прикидывать, на какую роль он подошел бы, когда мне приходится притормозить с рабочими фантазиями, чтобы вернуться в суровую реальность.

– Мне нужен адвокат, – заявляю стальным голосом.

Улыбка ДиДи гаснет, и он снова хмурится.

– Тебя собираются посадить?

– Если бы, – вздыхаю я. – Муж хочет отсудить у меня половину дома.

– Мудила, – резко вырывается из ДиДи, и я широко улыбаюсь.

– Ты так категоричен. А вдруг это он покупал дом?

– Хрена с два, – заявляет он, немало меня удивляя. – Он способен разве что машину подержанную купить.

– И он это сделал. Купил мне подержанную тачку, а себе новую. Каков красавец, а, ДиДи? Он несколько секунд изучает страдание на моем лице.

– Я найду для тебя лучшую контору.

– Уж постарайся. И не скупись. Я хочу забрать то, что принадлежит мне.

– Будет сделано, босс, – произносит он и, отсалютовав, уходит.

Я смотрю на подготовку на съемочной площадке и медленно пью свой латте, думая о том, какой внезапный поворот может сделать жизнь всего за пару секунд, пока открываешь документ на компьютере. Вот я была в состоянии возбуждения от того, что сегодня первый съемочный день нового фильма, а вот уже сижу, скисшая, и пью остывший кофе. Жизнь дерьмо. Но боженька дал мне ее не для того, чтобы я тут сопли жевала, поэтому...

Встаю и хлопаю в ладоши, привлекая внимание команды.

– Привет. Все здесь?

– Актеров нет, – отзывается художник по костюмам.

– Они нам пока и не нужны. Эта информация для ваших ушей. Сроки очень сжатые, как вы знаете. Поэтому ни одного лишнего перекура, банда. Давайте бодро начнем и так же закончим. Майкл, дашь мне к вечеру выборку по ночным сценам. Тилли, от тебя буду ждать идей насчет выездных. И дай, пожалуйста, название локаций, о которых мы договаривались.

Раздаю еще несколько указаний, на каждую из которых получаю положительный ответ. Это моя стихия. Место, которому я принадлежу. Здесь я управляю и контролирую, и это чувство дает мне некое умиротворение.

Съемки начинаются, как обычно, в суете и беспорядке, потому что актеры пытаются сражаться перед камерой, я кричу, все суетятся. Пройдет еще пара дней, пока мы научимся лавировать между друг другом и не врезаться постоянно в чью-то спину или грудь. Этот предварительный танец, наверное, самое магическое действие, которое происходит на съемочной площадке. И я кайфую от него, как будто мы не неуклюжие, как пингвины, а грациозно выписываем пируэты на сцене Ковент-Гарден.

В промежутках между этими суетливыми часами ко мне подбегает Дилан.

– Завтра в пять вечера тебя ждут в офисе «Бронкс и Юэн». Вот здесь их номер и адрес. Не опаздывай, на все про все у тебя будет сорок минут.

– Когда это я опаздывала? – спрашиваю ДиДи, а он смотрит на меня, приподняв вопросительно одну бровь. – Ладно, ладно, буду вовремя. Спасибо.

И на этом неприятная часть дня заканчивается, сменяясь знакомой уютной суетой.

Глава 2

На следующий день я вылетаю из студии, как будто меня преследует маньяк. Знаю, что опоздаю на встречу, но стараюсь сократить время задержки максимально, как могу. Запрыгнув в машину, ударяю по педали газа и срываюсь с парковки с визгом шин. Через двадцать минут я уже стою на пятнадцатом этаже офисного здания и оглядываюсь по сторонам. Двери, двери и снова двери.

– Вам помочь? – спрашивает услужливый женский голос, и я поворачиваю голову в сторону безупречно выглядящей блондинки.

Могу себе только представить, как выгляжу после целого дня съемок: юбка с рубашкой помяты, макияж едва привела в порядок с помощью гримера, на голове сумасшествие. В общем, Долорес Диккенс в лучшем ее виде, прошу любить и жаловать.

– Я ищу офис «Бронкс и Юэн», у меня назначена встреча... – бросаю быстрый взгляд на крупные наручные часы на запястье, – семь минут назад.

– О, тогда вам этажом выше, – сочувственно лепечет блондинка, а я уже прожигаю взглядом стрелку над лифтом, которая показывает, что тот в районе второго этажа. Слишком долго ждать.

– Где лестница?

На этот раз услужливая барышня не говорит, а просто показывает рукой куда-то вправо от лифта.

– Поторопитесь! – кричит она мне вслед, пока я во весь опор несусь в заданном ею направлении. – Он ждет максимум десять минут!

– Спасибо! – кричу в ответ, когда за мной захлопывается тяжелая стальная дверь, отрезая меня от уютного коридора и приведя на ярко освещенную лестницу.

Бегу наверх, чертыхаясь про себя и проклиная привычку опаздывать. Из-за нее на все важные встречи я попадаю взмыленная и запыхавшаяся. Так же будет и сейчас, нутром чувствую. Выбегаю на шестнадцатый этаж, по которому снуют люди с документами в руках. Ловлю первого проходящего мимо парня.

– Где конференц-зал?

– Вам малый или большой? – спрашивает он, не отрывая взгляда от документов.

Во мне бурлит отчаяние, когда я понимаю, что осталась всего минута времени и адвокат покинет несостоявшуюся встречу.

– Не знаю, – выпаливаю я. – Где у вас проводят встречи с клиентами?

– Прямо и направо.

– Спасибо! – кричу, пускаясь в том направлении во всю прыть.

Когда сворачиваю направо, вижу впереди тяжелую стеклянную дверь с матовым напылением и надписью «Конференц-зал». А из нее выходит высокий широкоплечий мужчина и, развернувшись ко мне вполборота так, что я вижу только его спину и плечо, открывает соседнюю дверь, чтобы выйти.

– Стоп! – кричу я по привычке, как будто останавливаю съемку. Для пушкого эффекта не хватало добавить: «Снято!», чтобы брови над карими глазами поднялись еще выше. – Стойте, – выдыхаю я, резко останавливаясь в паре метров от мужчины. – У нас назначена встреча.

– Полагаю, вы на нее опоздали, – произносит он, кивая, и снова собираясь схватиться за ручку двери.

Я бегом преодолеваю расстояние между нами и в который раз радуюсь тому, что ношу удобные «Конверсы», а не туфли на шпильке, иначе меня бы уже увозила скорая в сторону ближайшей больницы. Хватаю мужчину за руку и взглядом умоляю задержаться еще на минутку.

Этот прием у меня уже доведен до автоматизма, потому что из-за моей патологической привычки опаздывать я часто им пользуюсь.

– Подождите, мистер Юэн. Мне очень нужна помощь.

– Тогда почему вы опаздываете на встречу, мисс Диккенс? Слушайте, а это не вы сняли фильм про порно-актеров?

– Я, – выдыхаю и выдавливаю из себя улыбку. – Понравился?

Лицо Герберта Юэна, всего на несколько секунд показавшееся человеческим, снова становится непроницаемой маской. Очень фактурный персонаж. Но о чем это я? Да, о деле.

– Мой бывший муж хочет обобщить меня до нитки. Помогите, пожалуйста.

Юэн несколько секунд рассматривает мое лицо, которое – я уверена – полно отчаяния, и кивает в сторону конференц-зала, который несколько минут назад покинул. Я облегченно выдыхаю и скольжу в дверной проем любезно распахнутой передо мной двери.

Спустя почти два часа после бесконечного повторения юридических терминов мистером Юэном и моих просьб пояснить, что это значит, я буквально вываливаюсь обессиленная из офиса знаменитой юридической фирмы. Мы наконец договорились о том, что они займутся моим вопросом. А поскольку я не могу бегать на все судебные заседания, мы просто подготовим доверенность и, по словам Герберта Юэна, они выиграют для меня дело. Я счастлива, что дело приняло такой оборот и мне не придется ходить в суд и видеть этого урода. Мудака, который, наверное, на всю жизнь оставил во мне огромную рану, которую залечить не удастся. Мало того, что я была лишена того, что наиболее дорого женщине, я еще и унижена за это. Как будто недостаточно было того, что я сама себя проклинала за ошибки молодости.

На обратном пути я решаю проигнорировать лифт и спускаюсь по ступенькам, потому что мне нужно пройтись. Адвокат разобрал иск моего бывшего мужа по косточкам и теперь я нуждаюсь во времени, чтобы перевести дух. Постоянный вопрос о том, как я до такого докатилась, упорно долбит висок и не отпускает. У нас с Оливером все начиналось так красиво и романтично. Он был очаровательным и окружал меня знаками внимания так, что любая женщина влюбилась бы. Он невероятно красив и обаятелен и так умело пускает пыль в глаза, что, не успев опомниться, я уже через два месяца после знакомства стояла у алтаря в Вегасе и светила самой широкой из своих улыбок. Теперь же, когда он вогнал мне нож в спину, я думаю о том, как могла столько времени потратить на жизнь с ним и не распознать мудака, что каждый день крутился у меня под носом. Это же насколько нужно было быть ослепленной любовью, чтобы не замечать даже самых очевидных сигналов? Например, насколько он пренебрежительно общался со своей семьей и как ненавидел всех, кто успешнее и сильнее его самого.

В начале моей карьеры Оливера можно было назвать сбывшейся мечтой. Он, казалось, искренне мне сопереживал, если что-то не получалось и говорил, что верит в меня, когда я сомневалась. Мне тогда казалось, что это он такой заботливый. А сейчас я понимаю, что на фоне достаточно успешного агента по недвижимости я выглядела непризнанным гением. И моего мужа эта ситуация устраивала. Нашим общим друзьям о моей работе он всегда рассказывал с таким снисхождением, словно я не карьеру строю, а леплю куличики в песочнице.

С тяжелым вздохом я открываю железную дверь и выхожу с другой стороны здания, как раз туда, где припаркован мой автомобиль.

Глава 3

Вдыхаю горячий воздух Лос-Анджелеса и смотрю на проезжающие мимо машины. Этот день можно назвать худшим за последние три месяца, с момента развода с Оливером. Мой телефон раздражается звонком, и я с тяжелым вздохом вытягиваю его из кармана широкой юбки. Что-то я сегодня слишком много вздыхаю и это бесит. На экране высвечивается незнакомый номер. Сначала я думаю сбросить звонок, но все же провожу пальцем в сторону зеленой трубки.

– Слушаю.

– Добрый день, мисс Диккенс, – раздается в трубке спокойный мужской голос. – Меня зовут Марк Гринберг и я продюсер рок-группы «Крашез». У меня есть для вас предложение. Как вы смотрите на то, чтобы встретиться в моем офисе завтра в десять утра?

Я не знаю, что ему ответить, потому что на данный момент нахожусь в растрепанных чувствах из-за того, что мне два часа пришлось обсуждать бывшего мужа с моим новым адвокатом. Я снова тяжело вздыхаю, мне сегодня как будто не хватает воздуха, словно сложности этого дня высосали из меня все жизненные силы.

– Мистер Гринберг, о какого рода предложении мы с вами говорим?

– Мисс Диккенс, учитывая то, что вы являетесь режиссером и мы ни разу еще не встречались, то, полагаю, у меня к вам может быть только одно предложение. Деловое.

– Мистер Гринберг, Вы уверены в том, что я буду заинтересована этим предложением?

Почему я вообще об этом задумываюсь? Я никогда не пренебрегаю ни одним предложением. Всегда стараюсь хвататься за любую интересную работу. А сотрудничество с продюсером рок-группы наверняка сулит нечто незаурядное. Нервно провожу пальцами по волосам. Почему я всё ещё думаю? В трубке снова раздается голос мистера Гринберга.

– Мисс Диккенс, вы одна из лучших в этом деле, а я работаю только с лучшими. То, что у меня есть вам предложить, наверняка должно заинтересовать такую незаурядную личность, как вы. К тому же, работа будет хорошо оплачена, это я вам гарантирую.

– Мне это льстит, мистер Гринберг, полагаю что могу рассмотреть ваше предложение. Прошу прощения за предыдущие слова, у меня сегодня выдался не самый лучший день.

– Мисс Диккенс, у нас у всех бывают такие дни. Но я очень надеюсь, что мое предложение поможет вам вернуться к хорошему настроению, потому что я слышал, что вы очень энергичный и авантюрный человек.

Знакомое чувство предвкушения и азарта просыпается во мне, и по венам несется лава, заменяя собой лед, бывший там еще пару минут назад. Я обожаю свою работу за такие вот моменты. Неважно, происходят они на съемочной площадке или в обычной жизни, я никогда не устану от них. Когда твою кожу под волосами покалывает от осознания того, что грядет нечто сногшибательное. И это событие в любую секунду может перевернуть мою жизнь с ног на голову, сделав ее еще красочнее.

– Благодарю вас, мистер Гринберг. Ещё раз прошу прощения. И прошу вас прислать адрес, где будет проходить наша завтрашняя встреча. Я буду там.

Мы прощаемся с мистером Гринбергом, я снова убираю телефон в карман. Только сейчас меня посещает вопрос о том, с каких это пор продюсеры сами договариваются с режиссерами? Обычно максимум, на который могут рассчитывать режиссеры моего уровня – это договор о встрече через секретаря, и сама встреча с помощником продюсера. Эти толстосумы не решают своих дел напрямую. Ну, разве что если режиссер именитый, и то я тут не уверена.

Как и собиралась в колледже, я закончила режиссерский курс и стала достаточно успешной в своей сфере. Было бы логично предположить, что раз уж я переехала в ЛА, то наверняка буду снимать фильмы. Да, я примерно с этого и начинала. Поскольку у меня не было денег на

съемки фильма, а продюссировать то, что я хотела снимать, никто не брался, я поступила, как всегда: пустилась в авантюру.

Художественное кино перестало привлекать меня еще на четвертом курсе. Я ходила с ума, когда нам рассказывали о фильмах-биографиях. Тогда-то по вине моего тогдашнего недолюбовника, я увлеклась историей забытого всеми старого футболиста Фергюсона Ходжеса. Он играл в пятидесятых за «Бруклин Доджерс» и был знаменит тем, что за всю карьеру не пропустил ни одного мяча. А еще его жена родила ему шестерых детей, каждый из которых сделал спортивную карьеру. И все это так сильно впечатлило меня, что я загорелась идеей снять фильм о знаменитом игроке.

Я начала поиск команды, с которой могла бы работать. Понятное дело, что лучшие в своей сфере не будут плясать под дудку никому не известной выпускницы Нью-Йоркского университета. Пусть и выпускницы с самым высоким балом на курсе. Я обошла все богемные тусовки с начинающими операторами, монтажерами, художниками-постановщиками и художниками по костюмам. На одной из таких тусовок, будучи изрядно пьяными, мы сколотили свою банду. И вот уже десять лет я работаю с этими людьми бок о бок. Мы уходим в разные проекты, но всегда собираемся для совместных.

А тогда, кстати, мы так и не сняли фильм о знаменитом футболисте. Но моя «банда», как я ласково их называю, сняла крутой фильм про скейтбордистов, которые метят в профессионалы. Фильм оказался настолько хорош, что набрал пару миллионов просмотров на YouTube. Как же мы тогда собой гордились! Это сейчас я могу получить за фильм пару миллионов долларов, но те первые лайки и просмотры были каждый на вес золота.

Я возвращаюсь в реальность под звук пожарной сирены. Разглаживаю изрядно примявшуюся за день юбку и шагаю на парковку к своей машине. Сегодня мне понадобится бокал вина. И, наверное, даже не один. Напоминаю себе о том, что завтра в десять у меня встреча. Сев в машину, набираю ДиДи, и прошу внести в расписание на завтра изменения. Пусть моя банда поспит завтра немного дольше, пока я буду договариваться для нас о новой работе.

Глава 4

Ровно в десять утра следующего дня я стою... в гребаной пробке! Я настолько злая, что готова выйти из машины и надавать оплеух тому олуху, который задерживает утреннее движение. Машины сигналият, я потею и злюсь, чертова жара убивает, а в стоящей машине кондиционер – это такое себе спасение. Триша говорила, что в последних моделях машин предусмотрено, что кондиционер бывает эффективен, даже если машина стоит на месте. Вот в таком аду. Я думала не продавать свою малышку, ей всего-то пять лет. Но Адам советует продать сейчас, пока машина не превратилась в развалюху. Интересно, с чего бы ей превращаться, если я ухаживаю за ней, как за большим родственником: кормлю самым вкусным и регулярно вожу на осмотр?

Как будто я силой мысли притянула подругу, салон машины заполняет мелодия из фильма «Дрянные девчонки», а на экране прикрепленного к панели телефона высвечивается свадебная фотография Триши с Адамом.

– Приве-е-ет, – растягивает она слово, когда я отвечаю на звонок.

– И тебе привет, – со вздохом отвечаю я.

– Дай угадаю: ты опаздываешь на встречу с продюсером.

– Вот как ты все знаешь?

– Слышу по голосу, – со смехом отвечает подруга. – К тому же вокруг тебя какофония из автомобильных сигналов. И вообще ты ответила на звонок, а если бы была на встрече, то сбросила бы его.

– Ладно, мисс Марпл, я поняла.

– Слушай, я тебе звоню, чтобы сказать, что Том... Помнишь Тома? – Я отделяюсь коротким «угу». – Так вот Том приглашает нас всех, включая тебя, на выходные за город.

– Триш, на выходных я не могу, у меня съемки.

– Оу. А никак нельзя отложить?

– Можно, конечно. Только попрошу тридцать человек съёмочной группы и актеров отдохнуть. А, и еще каналу скажу, что я не могу снять этот эпизод, потому что у меня пикничок.

Триша смеется. Она знает, что мой сарказм безобидный, поэтому принимает его как неотъемлемую часть меня. Когда ее смех стихает, она произносит абсолютно серьезным голосом:

– Тебе нужно отдыхать, Долли. Сколько ты уже без выходных? Два месяца?

Три, но я ей этого не скажу, иначе она меня живьем закопает в одеяла в своем доме, только бы я поспала на час дольше.

– Как Адам? – спрашиваю я, решая сменить тему.

– Нормально. Вчера стойко снес полуночный поход в магазин за ананасом для меня.

– Не так-то просто быть мужем беременной женщины, – отвечаю я с улыбкой, глядя на то, как оживился поток машин. – Как ты себя чувствуешь?

– О, нормально. Но мои чемпионы в последние пару дней устраивают сумасшедшие пляски в животе.

– Говорят, они особенно активны ближе к родам.

– Ох, если бы ты только знала, как я уже хочу родить. Я как будто проглотила огромный арбуз, и теперь мне тяжело его таскать и все время хочется писать. – Я смеюсь над его сравнением. Вот такие утренние разговоры с Тришей всегда создают мне позитивное настроение на день. – А что у тебя нового?

– Ну, кроме того, что я опаздываю на встречу, Зеланд хочет отобрать половину моего дома.

– Какого хера? Когда ты узнала?

- Вчера вечером.
- Почему не сказала сразу, мы же переписывались вечером?
- Не было настроения.
- Хочешь, я приеду?
- Куда ты приедешь, беременная арбузом? Сиди дома, иначе родишь где-нибудь в аэропорту, Адам мне этого не простит.
- Он будет благодарен, – смеется Триша. – Он хоть и врач, но так боится идти со мной на роды, что, когда мы заговариваем об этом, он покрывается самым светлым оттенком белого.
- Так, может, не стоит ему устраивать такую пытку?
- Черта с два! Она сам захотел детей. Я просила еще годик подождать. А эта сволочь четко высчитал перерыв в приеме противозачаточных и сделал «упс».
- Я не могу остановить смех, который буквально вырывается из моего горла и окрашивает яркими цветами салон автомобиля.
- Знаешь, сегодня я задумалась о продаже машины.
- Наконец-то, – выдыхает Триша.
- Да, наверное, пора. Милая, я приехала к продюсеру в офис, вечером спишемся.
- Давай, подруга, покажи им, кто тут самый крутой.
- Пока.
- Я захожу в прохладное помещение студии звукозаписи и за стойкой ресепшен меня встречает приветливая девушка.
- Чем я могу помочь вам?
- У меня назначена встреча с Марком Гринбергом.
- Вы миссис Диккенс?
- Мисс, – на автомате поправляю я, и в который раз радуюсь, что оставила свою девичью фамилию.
- Простите, мисс. Пойдемте со мной. – Девушка выходит из-за стойки и мы двигаемся по артерии коридоров, а я ловлю себя на мысли, что вряд ли выберусь отсюда без посторонней помощи. – Меня зовут Алисия, я помощница мистера Гринберга. Он ждет вас вообще через десять минут, но, думаю, будет рад тому, что вы приехали раньше.
- Через десять минут?
- Ну да, к половине одиннадцатого.
- Я не успеваю удивиться ее словам, потому что она уже стучит в дверь из матового стекла и распахивает ее передо мной, впуская в просторный кабинет. Из-за массивного стола поднимается невысокого роста ухоженный мужчина с посеребренными сединой черными волосами. Он широко улыбается, делая в мою сторону несколько шагов.
- Мисс Диккенс, спасибо, что пришли. Но вы даже рано. – Мужчина протягивает мне ладонь и я на автомате пожимаю ее, все еще переваривая информацию про раннее прибытие. – Марк Гринберг, очень приятно.
- Мне так же, мистер Гринберг.
- О, зовите меня Марк. Я, может, и стар для вас, но в душе мне все еще двадцать.
- Я улыбнулась.
- Могу я задать вам вопрос? – спрашиваю, пока он провожает меня к диванам, стоящим справа и разделенным кофейным столиком.
- Конечно. Только скажите, будете ли вы что-то пить?
- Не откажусь от воды.
- Он кивает.
- Алисия, – обращается ко все еще стоящей в дверном проеме девушке. – Принеси мне, пожалуйста, кофе, а мисс Диккенс воды.
- Конечно, сэр. Через минуту.

Как только Алисия исчезает за закрытой дверью, я усаживаюсь на один диван, а напротив меня садится Марк. Я рассматриваю его и удивляюсь: как человек, работающий в такой жестокой сфере, смог сохранить настолько искреннюю и лучезарную улыбку?

– Итак, вопрос, мисс Диккенс.

– Да. И зовите меня Долорес. – Он снова кивает. – Почему вы сказали, что я рано пришла, если встреча назначена на десять?

Улыбка Марка становится шире.

– Моя помощница звонила вашему, чтобы узнать ваш номер. Так вот он сказал, чтобы я рассчитывал на встречу с вами на полчаса позже оговоренного времени.

– О, боже, – со смехом выдыхаю я. – Дилан предусмотрительный парень.

– Похоже на то.

В этот момент в кабинет заходит Алисия и ставит перед нами напитки. Я сдержанно благодарю, откручиваю крышку с бутылки и наливаю воду в стакан. Делаю первый глоток и, как только Алисия покидает кабинет, в дверном проеме появляется тот, кого я уже никогда не ожидала увидеть.

Глава 5

Чертов Дрю Нортон. Влажная мечта каждой девчонки нашей школы, мой первый секс, моя первая влюбленность. Я не могу перестать глазеть на него. Широкие скулы, покрытые небольшой щетиной, все тот же острый взгляд и мощное тело, скрытое под дорогим, безупречно сидящим костюмом. Господи, сколько же лет мы не виделись. И он стал еще красивее. Это нечестно, что девочки превращаются в женщин, пока мальчики дозревают до красавчиков, как хорошее вино. Мне хочется топнуть ногой от такой несправедливости. И ямочки. Гребенные ямочки, украшающие безупречное мужское лицо. Я начинаюсь превращаться в струйку похоти, образующую лужицу, в которую скоро я перевоплощусь целиком.

Завидев меня, он тоже замирает. Прищуривается и внимательно осматривает.

– Малышка До?

Я вздыхаю, услышав старое прозвище, которым он называл меня в школе. Срываюсь с места и бегу в раскрытые объятия. Такие знакомые, практически родные. Господи, я даже сама не осознавала, насколько скучала по нему. Дрю ловит меня и заключает в кольцо своих рук так надежно, что я оказываюсь завернутая в его тепло и умопомрачительный запах, которым может пахнуть только он. Вдыхаю глубже и как будто снова оказываюсь в школе, когда моей единственной заботой было потерять девственность и урвать у жизни самые яркие ее куски.

Через пару минут Дрю отстраняется и с мегаваттной улыбкой, придерживая меня за плечи, осматривает с головы до пят.

– А я все думал: интересно, когда-нибудь Долорес Диккенс перестанет носить яркие наряды? – Моя улыбка не уменьшается, я просто не могу перестать улыбаться. – Рад, что ошибся, решив, что перестанешь. Как же я чертовски счастлив видеть тебя, малышка До, – произносит он и снова притягивает в свои ароматные объятия.

Пару минут мы стоим так, не шевелясь, а потом за моей спиной прочищает горло хозяин кабинета. Дрю отстраняется, а мне хочется ныть, как ребенку, у которого отобрали конфетку. Внезапно я возвращаюсь в реальность и понимаю, насколько нелепа нынешняя ситуация. Я в кабинете знаменитого продюсера обнимаюсь со своей первой любовью. Неловко. Чувствую, как краснеет лицо. Дрю смотрит на меня и улыбается шире.

Медленно разворачиваюсь к Марку и не знаю, куда деть свои глаза, только бы не пересекаться с ним взглядами. Слышу его смех и немного расслабляюсь.

– Если бы я знал, что вы так близко знакомы, то сразу бы использовал тяжелую артиллерию в лице Дрю.

Дрю кладет руку мне на талию и подталкивает идти вперед. Его прикосновение обжигает кожу через тонкую ткань платья и я практически млею от этого ощущения. Сколько бы ни было в моей жизни мужчин, только его крупная горячая рука может оказывать на меня такое влияние. Не позволяю ногам подкоситься от удовольствия, переставляю их, двигаясь назад к дивану. Я присаживаюсь на свое место, а рядом со мной располагается Дрю. Не могу перестать смотреть на него. Впитываю каждую черту, фиксируя в памяти изменения. Он чертовски привлекателен. По-мужски красив. Из той редкой породы мужчин, рядом с которым хочется становиться лучше, только бы соответствовать.

– Итак, мы с Долорес собрались обсудить наше к ней предложение.

– Ваше? – по-идиотски спрашиваю я. Черт, никак не могу нормально настроиться на встречу.

– Наше, Долорес, – подтверждает Марк. – Как уже упоминал, я являюсь продюсером группы «Крашез». Вы слышали о них? – Молча киваю, переводя взгляд на улыбающееся лицо Марка. – Так вот я не единственный. Второй продюсер – Дрю. Он же и менеджер группы.

– О, – произношу я, с удовольствием возвращая взгляд к Дрю. Он пытается выглядеть серьезным, но проваливается с треском. Его улыбка растянута настолько, что, кажется, еще немного и я увижу его зубы мудрости.

– Так вот мы хотим, чтобы вы сняли фильм о нашей группе, – Марк снова привлекает к себе мое внимание. – Через месяц группа отправляется в большой тур, и он станет идеальной сценой для фильма. Разные города, взрывные концерты, десятки тысяч поклонников, даже сотни. Это будет нечто. К тому же, во время тура парни должны заехать в Нэшвилл, в котором запишут кавер на песню Джонни Кэша. Студия собирается записать диск с каверами к следующей годовщине его смерти. В общем, Долорес, тур обещает быть интересным.

Я продолжаю кивать, даже когда он замолкает. Да что же со мной сегодня не так? Как будто вся моя прошлая жизнь за секунду ворвалась в сегодняшнюю, и пытается смешаться с ней. Но безуспешно, как будто масло мешают с водой. Не пойму пока, что именно доставляет дискомфорт, но ощущение не самое приятное.

– Долорес, я знаю, что вы сейчас заняты съемками исторического фильма. Но наше предложение более, чем щедрое, чтобы от него отказываться. Я покажу вам контракт. – С этими словами Марк встает и идет к столу, а я понимаю, что в этом паззле для меня не складывается. Я очень хочу работать с Дрю, хочу до зубовного скрежета. Я хочу даже больше, чем работать. Я снова смотрю на него влюбленными глазами, хотя не могу себе этого позволить. Не хочу разочаровывать еще одного мужчину. Настроение падает на несколько десятков градусов, и теперь я в растерянности смотрю, как Марк возвращается на свое место на диване и протягивает мне документы. – Пятнадцатая страница. Гонорар, – уточняет он на мой вопрошающий взгляд.

Пролистываю до пятнадцатой страницы и мне становится жарко. Еще ни за один фильм мне столько не платили. Не скажу, что я болтаюсь на отшибе режиссерских задворков, но и таких денег я еще не зарабатывала за фильм. Поднимаю непонимающий взгляд на Марка, а потом медленно перевожу его на Дрю.

– Почему так много? – спрашиваю.

– Потому что вы стоите каждого цента, моя дорогая. А еще это неустойка за то, чтобы вы как можно скорее закончили уже начатые съемки, чтобы успеть приступить к нашему фильму.

– Простите, я немного в шоке, – с натянутой улыбкой говорю я.

– Прекрасно понимаю, – отзывается Марк. – Давайте обсудим самые важные детали.

– Да, – говорю с кивком. – Давайте.

После часа обсуждения всех нюансов съемок и контракта, я покидаю кабинет Марка. За это время мне удалось собраться с мыслями и силами, я перестала вести себя, как подросток, и снова вспомнила, что я уже взрослая женщина, способная управлять своими мыслями и поступками. Дрю выходит сразу следом за мной и, положив руку мне на талию, провожает до лифта. Как только мы заходим в кабинку и двери закрываются, он поворачивается ко мне.

– Я невероятно сильно рад тебя видеть, малышка До.

– Как и я тебя, Дрю. Костюм? Ты невероятно выглядишь. Может, у тебя еще и очки припасены в кармане? Чтобы добить меня окончательно. – Последнюю фразу я бубню себе под нос, но Дрю все же слышит ее и усмехается.

– Ты не поверишь, но очки припасены. Правда, они остались в кабинете, я не ношу их с собой и пользуюсь только когда устаю.

– Ох, твою мать, – выдыхаю я, представляя себе, как на этом идеальном носе сидят очки в роговой оправе, непременно черной. Это заводит.

Лифт издает звук прибытия на этаж и двери разъезжаются. Мы идем через холл первого этажа, рука Дрю не покидает мою талию, и периодически сжимает ее сильнее.

– Ты замужем? – внезапно выпаливает он.

– Нет. А ты женат? – не удерживаюсь.

– Тоже нет.

Мы продолжаем идти в тишине с глупыми улыбками на лицах. Как только оказываемся на улице, я иду в сторону парковки, а Дрю не отстает ни на шаг. Уже когда я останавливаюсь у машины, Дрю становится напротив меня и берет за плечи.

– Слушай, Долли, эта работа того стоит, правда. И фильм очень нужен нашей группе. Ты нас очень выручишь, если согласишься.

– Это ты поспособствовал тому, чтобы я была режиссером?

– Откровенно говоря, я даже не знал имени режиссера, пока не вошел в кабинет Марка.

– Но как?..

– Ему тебя порекомендовал Каллахан.

– О, Стив?

– Именно он. Сказал, что съемки его фильма прошли отлично и материал вышел выше всяких похвал.

– Но почему такая сумма, Дрю?

– Потому что в сфере музыкальной индустрии именно так и платят. Ты как будто первый день режиссером работаешь, Долли, – со смехом говорит Дрю.

А я ведь и правда работаю не первый день. Но сердце так колотится, что заглушает голос разума. Я вдыхаю запах Дрю, стоящего так близко ко мне, что можно вытянуть руку и через пиджак потрогать мышцы. Я уверена, там, под тканью, их стало еще больше, чем было в школе.

– Подумай хорошенько, Долли, – говорит он серьезным тоном. А через пару секунд уже улыбается этой сводящей с ума мальчишеской улыбкой, от которой я не могла устоять еще несколько лет назад. – Ну, иди сюда.

Дрю раскрывает объятия, и я снова в них окунаюсь, растворяясь в ощущениях. Он крепко прижимает меня к себе, возрождая все те чувства, которые я считала давно забытыми.

Глава 6

– погоди, не тараторь, – просит Триша, пока я останавливаю дыхание. – Когда, говоришь, тебе предложили этот контракт?

– Три дня назад.

– И сколько времени дали подумать?

– Мы не обговаривали время, просто я взяла его подумать.

– Господи, о чем здесь думать, Долли? – практически кричит Триша.

– Меня слишком сильно тянет к нему, Триш, – уныло объясняю я.

– И что в этом плохого? Вы отлично проводили вместе время после выпуска.

– Я как будто знаю его миллион лет и вижу впервые одновременно. Он такой... Ты бы его видела. Даже сейчас рассказываю тебе о нем, а в голову лезут такие мысли.

– Ну это же здорово, Долли. Сколько можно наказывать себя целибатом?

– Триша, ты не понимаешь.

– Да, ты права, – устало соглашается подруга. – Я не понимаю и вряд ли когда-нибудь пойму, Доллс. Потому что ты молодая, красивая, умная женщина, но добровольно запираешь себя на замок.

– Ладно. Расскажи лучше, как там твои детки.

– О, пинаются.

– Адам еще не подал на развод?

Триша заливисто смеется.

– Нет, но он на грани. Вчера мне захотелось креветок.

– Ох, и проблема.

– В час ночи.

– Да вы живете в городе, который никогда не спит. Заказала и тебе доставили.

– Только я хотела в темпуре и клюквенном соусе.

– Ну?

– Ресторан, в котором это подают, закрывается к полуночи.

– А доставка у них не круглосуточная?

– Не-а.

– И как вы выкрутились?

– Он заказал креветки, а сам побежал в магазин за соусом.

– И?

– А когда принес соус и привезли креветки, я уже крепко спала.

– Но с утра-то ты их съела?

– Нет. Затошнило от одного вида.

– Выбросила?

– Ну, да. – Триша вздыхает. – Слушай, мне так стыдно иногда. Я веду себя, как сука.

Или просто идиотка какая-то.

– Это сладкое слово «мечь». Адам потрепал тебе нервы и ты отыгрываешься.

– Самое страшное, что я не осознаю, какой дурой выгляжу, пока все не заканчивается. Ну, то есть, я требую креветки, ною, довожу его до белого каления. А потом, когда он удовлетворяет мою просьбу, хочется извиняться за то, что выкручивала ему мозги, потому что понимаю, насколько странно и глупо себя веду.

– Это беременность.

– Ох, надеюсь, с рождением близняшек этот ужас закончится. Ну так что ты собралась отвечать красавчику Дрю?

– Не знаю, правда. Мне очень хочется поработать над таким проектом. Это динамика, понимаешь? Неподдельные чувства, живые. Не съемки в павильоне, а движение, постоянно сменяющиеся естественные декорации.

– И тебя останавливает только то, что ты слишком тяготеешь к Дрю?

– Я боюсь, Триш.

– Чего?

– Опять влюбиться в него.

– Ты не сильно страдала в колледже без него.

– Но буду страдать теперь, я знаю. Я не способна подарить счастье взрослому мужчине.

– Ох, Долли, ты дуришь. Сама себе надумываешь проблемы. Прекрати и делай так, как делала всегда: пей жизнь крупными глотками, Доллс.

– Хорошо, – отвечаю я. – Мне пора. Люблю тебя, детка.

– И я тебя, Доллс.

Наклоняюсь к рулю и упираюсь лбом в гладкую кожаную оплетку. Триша права. Я никогда не позволяю себе думать дважды, и кайфую от этого состояния. Мне нравится то, что я позволяю себе быть безрассудной и плыть по течению, получать удовольствие от каждого – даже самого незначительного – приключения. Почему бы и сейчас не поступить так же? И, словно провидение смеется надо мной, телефон разражается мелодией, которую я когда-то давно установила на звонок Дрю. Со времен школы я сменила три телефона. Но каждый раз, перенося контакты в новый, я снова качала «First love song» Люка Брайана. Знаю, банально и по-детски. Но не могла поступить иначе, потому что это было в некоторой степени наивно и казалось таким романтичным.

– Алло, – отвечаю на звонок.

– Доллс, привет. Это...

– Дрю, – заканчиваю за него.

– О, признайся честно: узнала по голосу или все еще хранишь мой номер? – спрашивает он, а я слышу, как он улыбается.

– Ты не поменял его со школы.

– Как дела?

– Хорошо. А твои?

– Долли, не буду притворяться, что позвонил, просто чтобы справиться о твоих делах.

На самом деле я хочу узнать, готова ли ты подписать контракт.

– То есть, мои дела тебя не интересуют? – спрашиваю я дразнящим тоном.

– Еще как интересуют. И в туре я планирую очень подробно расспросить тебя обо всем, что произошло за эти десять лет. Ты себе не представляешь, с каким нетерпением я жду этого времени.

Его слова греют меня изнутри. Он тоже хочет общения, нуждается в нашем новом сближении.

– Тогда почему не спрашиваешь сейчас?

– Потому что хочу смотреть в твои глаза, когда ты будешь рассказывать, – неожиданно серьезным голосом произносит Дрю.

– Но если так и случится, то не раньше, чем через месяц.

– Я готов потерпеть. Но не хочу урывать час в каком-нибудь ресторане между встречами.

Хочу удобно расположиться на диване в своем автобусе, чтобы слушать тебя всю ночь напролет.

– Уверен, что в моем рассказе будет что-то интересное?

– Даже если ты будешь описывать каждый метр пленки, на который снят один из твоих фильмов, мне скучно не станет, я уверен.

– Тогда я опишу все свои фильмы и ты уснешь, не дождавись конца рассказа.

– Ох, малышка До, я даже не знаю, что должно произойти такого, чтобы я уснул рядом с тобой.

На меня падает тень, и я вздрагиваю. Перевожу взгляд на человека, стоящего у моей машины и хмурюсь. Дилан стучит указательным пальцем по спортивным часам на своем запястье, намекая на то, что мне пора выходить из машины. Я показываю ему, чтобы минуту подождал.

– Слушай, Дрю, прости, мне пора.

– Да, мне тоже, Доллс. Но я прошу тебя хорошенько подумать над предложением. Я правда буду счастлив провести с тобой больше времени, пусть даже и за работой.

– Хорошо, я подумаю. Пока, Дрю.

– Пока, малышка До.

Глава 7

Господи, да что ж сердце-то так сильно колотится, вышибая воздух из груди? Уже все должно было забыться за такое количество лет. А нет, руки все равно подрагивают, а на лице расплывается широкая улыбка.

– Эй, Долли, нам пора. Все на местах, – подает голос Дилан и я, выдохнув, хватаю вещи с пассажирского сиденья и выхожу из машины.

– Давай поторапливаться, у нас на съемки всего лишь месяц.

– В каком смысле – месяц? – удивляется Дилан, шагая рядом со мной.

– Да. Всего месяц. Дальше нас ждет большое приключение, ДиДи. – Я хлопаю его по плечу и наконец позволяю улыбке занять место на моем лице. Больше я не хочу сдерживаться и буду пить эту жизнь, наслаждаясь каждым глотком.

Спустя неделю я, измотанная, в перерыве между дублями дремлю в кресле режиссера. Думаю, я храпела и даже, возможно, пустила слюну, потому что просыпаюсь от хихиканья двух молодых актрис рядом со мной. Распахиваю глаза и невидящим взглядом окидываю помещение павильона. Здесь всего несколько человек, остальные наверняка вышли покурить и подышать теплым вечерним воздухом. Завтра мы меняем локацию и будем снимать на студии «Уорнер бразерс» в павильоне, стилизованном под замок. У нас нет таких масштабных мест для съемок. Вообще-то мы должны были лететь в Англию на съемки этих дублей, чтобы заснять также и шикарные виды, и сады замка. Но поскольку время у нас теперь очень ограничено, я решила, что съемок в павильоне должно хватить. Мэри с Дэвидом потом полетят в тот замок и снимут для нас общие планы, которые мы с Робом склепаем в общую картинку с отснятыми в «замке» кадрами. Продюсерам фильма идея понравилась, потому что они не слабо так сэкономят на этом процессе. Правда, нам с Робом придется немало работать, чтобы сделать из этого конфетку. Но мы можем заняться этим в туре, где в дороге будет предостаточно времени.

Рядом со мной появляется Дилан, протягивая мне чашку кофе.

– Интересно, как долго ты еще выдержишься в таком режиме, Долли? – спрашивает он, глядя на меня укоризненно. – Как долго *мы все* протянем в таком режиме?

– Ой, ДиДи, не ной. Ты молодой. Если еще можешь выдержать вечеринки до утра, а потом отпахать на съемках, значит, выдержишь и такой режим работы.

– На вечеринках хоть весело, – зудит Дилан, а я слышу это, словно жужжание надоедливой мухи. – Ладно, – деловым тоном соглашается он, присаживаясь в соседнее кресло. – У нас две темы для разговора. Одна приятная, а вторая – нет. С какой начинаем?

– С неприятной, само собой.

ДиДи раскрывает свой блокнот и водит обратной стороной ручки по записям. Никогда не могу разобрать его каракули, поэтому даже не пытаюсь заглянуть туда. Пью кофе и рассматриваю локацию, думая о том, что еще можно было бы поменять, чтобы сделать фон сочнее.

– Дина! – кричу я, а ДиДи подскакивает и охает, вызывая мою улыбку. Когда художник-постановщик поворачивается в мою сторону, я показываю ей на дальнюю стену. – Мне кажется, нужно убрать оттуда белые цветы. В кадре они будут смазанными. Лучше замените их на красные.

– Мы пробовали красные, показалось вульгарным.

Я хмурюсь и прищуриваюсь, пытаюсь представить себе на месте белых цветов красные, но у меня ничего не получается.

– Ладно, подождем Дэвида с перерыва и посмотрим, как это смотрится в кадре. Что у тебя, ДиДи?

– Иногда мне кажется, что у тебя синдром Туретта, Долли.

– Это профессиональное, – смеюсь я. – Давай свою поганую новость.

– Не новость, так, информация. Звонили из адвокатской конторы. Первое слушание назначено через три недели.

– Мы как раз уезжаем в тур.

– Долли, это не самая неприятная часть. – Я сжимаю челюсти и прикрываю глаза, готовясь выслушать то, что он хочет сказать. – Оливер хочет привлечь прессу.

– Сукин сын, – рычу я. – Пиариться за мой счет? Поговори с Мими, пускай придумает, как все это красиво обставить в нашу пользу.

– Уже разговаривал. Она сказала, что все придумает, но просит поговорить с продюсерами «Крашез» о преждевременном анонсе фильма. Ну, знаешь, там, короткое интервью для какого-нибудь музыкального канала. Нам нужна новость от тебя, которая перебьет спонтанную пиар-кампанию Оливера.

– Я тебя умоляю, ДиДи, это же Голливуд. Здесь каждый день какая-нибудь звезда страдает передозировкой или напивается и светит трусами в общественном месте. Большую новость Оливера никто и не заметит.

– Этот улюбок бывает изобретательным, – возражает Дилан.

– Ладно, дай мне пять минут.

Я встаю и выхожу из павильона. Команда в сторонке вдыхает едкий дым сигарет и болтает. Отхожу на другую сторону и коротко улыбаюсь проходящему мимо работнику студии. Набираю знакомый номер и жду, пока пройдут гудки.

– Малышка До, – ласково отвечает на звонок Дрю.

– Привет.

– Привет. Как твои дела?

– Слушай, повторю твои слова и скажу, что позвонила не из праздного любопытства, а по делу.

– Всегда рад тебя слышать, даже если по делу. – Я слышу улыбку Дрю, и это немного снижает уровень напряжения в моем теле.

– Мне нужна твоя помощь.

Я коротко обрисовываю ему ситуацию и терпеливо дожидаюсь, пока в нем иссякнет поток ругательств в адрес моего бывшего. Выдохнув, он говорит:

– Я поговорю с Марком и мы придумаем, как все обставить.

– Скажи ему, что мы через пару недель можем снять промо-видео тура. Это будет реклама и дополнительно правильный пиар для нас, если мы анонсируем фильм.

– Я ничего не обещаю, но сделаю все возможное, Долли. Мне нравится идея анонса фильма.

– Хорошо.

– Долли?

– Что?

– А как все-таки у тебя дела? – спрашивает Дрю, и я улыбаюсь.

– В порядке. Сейчас на съемках. – Машу рукой Дилану, который кричит о том, что перерыв закончился. – А у тебя?

Я не хочу прерывать звонок, хочу еще немного послушать успокаивающий голос Дрю. Он всегда так влиял на меня. В школе он не уступал мне по темпераменту, но было в нем что-то, что немного гасило мое сумасбродство и подпитывало его одновременно. Теперь же, когда все мы стали взрослыми, он спокоен. Его сексуальность увеличилась в десятки раз, а голос стал еще приятнее, в него добавились бархатные нотки и теперь он как тягучая карамель или хороший виски. Я даже могу почувствовать его у себя на языке, и Дрю подпитывает эту жажду.

– У меня тоже все хорошо. Рад слышать, что ты не падаешь духом из-за этого мудака. И знаешь что, Доллс?

– Что? – почему-то спрашиваю шепотом.

– Мне нравится, что ты до сих пор носишь яркую одежду.

– Ты говорил, – отвечаю я, рассматривая носки своих фиолетовых балеток.

– Я готов повторить это еще много раз, если буду слышать, как ты улыбаешься.

– Дрю, ты соблазнитель. – Пытаюсь вложить в тон игривый упрек, но это больше похоже на комплимент.

– Надеюсь, что на тебя это тоже повлияет. Я позвоню, – произносит он и отключается.

Блокирую экран и продолжаю стоять на месте, глупо улыбаясь. Я не думала, что в двадцать девять мужчина еще способен всполошить бабочек в моем животе одними только словами. Но это так. И ощущение, скажу я вам, чертовски волнительное и вместе с тем пугающее. Теперь я буду постоянно нуждаться в такой подпитке, а, значит, снова стану зависима от Дрю. Страшно? Несомненно. Но как же это будоражит!

Глава 8

Месяц пролетел незаметно. Такой сумасшедший график съемок просто не оставляет ни секунды свободного времени. Все, на что у меня нашлось время, – это слетать в Вашингтон к Трише с Адамом, когда родились близнецы. О, это было эпично. Как и все, что касается моей подруги.

Она позвонила мне в десять вечера и простонала в трубку, что рождает.

– Что, прямо сейчас? – выкрикнула я, невольно останавливая съемочный процесс. Вся команда уставилась на меня в недоумении.

– Да! – так же громко крикнула Триша. – И это охренительно больно! Ненавижу Скотта! Напомни мне больше с ним не трахаться! А-а-а!

– О, господи. – Я вскочила со своего места и заметалась по павильону. – Дыши, Триша. Давай, детка, ты справишься. Вот так. – Я начала быстро и шумно дышать, как видела в фильмах, вызывая смех съемочной группы, но мне было плевать.

– Долли! А-а-а! – кричала Триша.

– А-а-а! – повторила я за ней.

Меня за рукав кто-то дернул, отвлекая от разговора. Я сделала самое суровое лицо из всего своего разнообразного арсенала и гневно посмотрела на того, кто посмел меня прервать. ДиДи показывал на планишете, что забронировал для меня билет до Вашингтона, и вылет должен был состояться через полтора часа. Тогда я подумала, что надо бы парню прибавить зарплату.

– Триша! – Она только кричала в трубку и не слышала меня. – Триш!

– Скотт! Ненавижу тебя и твой здоровенный член! – крикнула она.

– О, черт, эта информация не для моих ушей, – пробубнила я, скривившись. А потом громче позвала: – Триша!

– Что? – резко крикнула она, и снова застонала.

– У меня через полтора часа вылет в Вашингтон. Я скоро буду рядом. Ты слышишь?

– Хочешь, чтобы я тебя дождалась?

– Хочу, чтобы ты родила до того времени, иначе я сдохну от ожидания.

– Я не знаю, Долли. Господи, вколите мне кто-нибудь обезболивающее! Вырубите меня на время, пока все не закончится! Адам! Ты же врач! Сделай что-нибудь!

Я слышала, как Адам пытался успокоить Тришу, но она только ругалась и кричала. Мне даже казалось, что у меня живот болел вместе с ней.

– Триш! Триш, ты слышишь меня?

– О, боже, немного попустило, – простонала она. – Слышу, Доллс.

– Я отключаюсь, потому что мне нужно ехать в аэропорт. Держись, ладно?

– У меня нет выхода. А у этих маленьких засранцев есть, но они им почему-то не пользуются! – хныкала она.

– Они обязательно воспользуются. Из роддома еще никто беременным не выходил. Держись, подруга, я скоро буду рядом.

– Ты не знаешь, что это за боль, Долли! Ты ее не испытывала! – выкрикнула она и снова застонала, а я не знала, что ответить. Понимала, что подруга был в агонии и сказала это не специально, но сердце все равно сжалось от боли, а незаживающая рана в нем начала кровоточить с новой силой. Я сцепила зубы, чтобы не послать подругу подальше, потому что не могла винить ее за сказанное в состоянии аффекта. Вдохнула и выдохнула.

– Триша, я скоро буду, – севшим голосом сказала я, и прервала звонок, не удосужившись убедиться, что она меня услышала.

Через шесть с лишним часов я уже вбежала в вестибюль больницы. Адам прислал сообщение, что Триша уже родила. Я практически на цыпочках проишла в палату и едва не разрыдалась от увиденной картины. Триша полулежала на кровати и кормила малыша, второго держал Адам, который прохаживался по палате и что-то шептал своему сыну. Идеальная картина. Я замерла в дверях, не решаясь заходить и разбивать семейную идиллию. Через пару минут меня заметила Триша.

– Доллс, ты приехала, – произнесла Триша. Ее голос был похож на потоку, улыбка была вымученная, но счастливая, а глаза светились таким ярким внутренним светом, что я с трудом не выбежала из палаты. Адская боль проламывала грудную клетку.

И я осталась у них на пару дней, чтобы хоть немного натешиться младенцами, раз уж своих иметь мне было не суждено.

А сегодня я пакую чемоданы. Да-да, я согласилась на предложение Дрю и Марка. Как шутил ДиДи, они взяли мою крепость осадой. Но разве могла я отказать этим голубым глазам? И всем этим мышцам? И, что уж греха таить, привлекательному гонорару?

Так что под мощную, дышащую энергией, музыку «Крашез» я хожу по квартире, пытаюсь продумать, что мне может понадобиться в этой поездке. А музыка у них действительно, что надо. Достаточно тяжелый рок, но мелодичный, пробирающий до самых костей. От некоторых песен по коже бегут мурашки, а в трусиках становится влажно. Я начинаю подумывать о том, чтобы сходить сегодня в бар и снять там кого-то на ночь. Потому что мое длительное воздержание плохо может сказаться на работе. Проще говоря, от передозировки общения с Дрю я могу взобраться на него, как на самое желанное дерево, и потереться. Да, неловко будет, если я так поступлю. Мысленно делаю себе пометку не пить, когда он поблизости. Пьяная я еще хуже трезвой.

Когда чемодан наполнен одеждой всевозможных цветов, а по боковым карманам распихана обувь, я считаю, что готова. Останется только забросить косметичку и отправляться в дорогу. Наливаю себе бокал вина, плюхаюсь на диван и включаю телевизор. Закинув ноги в тапочках с головами Гомера Симпсона на подушку, я наконец расслабляюсь. Меня еще ждет море работы по историческому фильму, но я буду думать об этом завтра в автобусе. Меня поселили в один автобус с некоторыми членами съемочной группы, выделив отдельную спальню, в то время как остальные будут ютиться в спальней части в середине.

Как я выяснила, мистер «Большая шишка» Дрю Нортон ездит в отдельном автобусе, куда предлагал поселиться и мне. Я отшутилась тем, что там только одна спальня, а мне по статусу не положено спать в проходе. Дрю заикнулся о том, чтобы спать вместе с ним, но давайте будем честны: я же наброшусь на него в первую ночь.

Дрю – это как отдельный подвид мужчин. Он открытый, честный, искренний. На работе деловой и серьезный, но мы же знаем, каким он может быть. Он чертовски соблазнительный и горячий. Дрю достаточно улыбнуться, и женщина уже сбрасывает с себя трусики. Он настолько открыт, когда хочет соблазнить, что это невольно вызывает восторг и даже зависимость. Так и я когда-то попала в его дружелюбно расставленные сети. О, что это была за ночь! Сначала я договорилась с Дрю, что он просто выполнит мое желание – лишит меня девственности. В выпускном классе я, как последняя идиотка, была одержима тем, чтобы лишиться своей V-карты. Став старше, я осознала, насколько мне повезло, что это был Дрю и у меня была волшебная ночь. Он был нежен и внимателен, волновался о том, чтобы причинить мне как можно меньше боли. Даже принес какой-то специальный гель, притупляющий ощущения. В итоге чувствительность у меня снизилась, но появился побочный эффект: Дрю никак не мог кончить. Боже, как же он тогда переживал по этому поводу! Ему пришлось бежать в душ со стояком, чтобы смыть гель, а мне пришлось научиться делать минет, чтобы помочь парню. Ночь была поистине незабываемой.

А потом Дрю понял, что ему меня мало. Мы стали встречаться, но только ради секса. Уже к третьему разу я так прониклась этим занятием, что хотелось в буквальном смысле не вылезать из постели Дрю. Что мы и делали до самого отъезда в университет. Он тогда попросил стать его девушкой, а я отказала. Ну какие нас могли ждать отношения, если мы учились в разных штатах? Дрю, конечно, говорил, что привязался ко мне и не хочет других отношений, и что его не интересует никто, кроме меня. Но будем честны сами с собой, в первую очередь. Молодой, красивый, обаятельный парень приезжает в университет, где столько новеньких девушек, каждая из которых хочет кусочек Дрю. И возьмем меня: маленькая, без особых форм, взбалмошная, слегка ненормальная и чертовски ревнивая. Ни один, даже самый терпеливый парень, не выдержал бы моих мавританских припадков.

А теперь я думаю о нем постоянно. Мы виделись всего три раза. Тот первый в кабинете Марка, потом он приезжал на студию, чтобы завезти мне контракт. Но мы пообщались всего пару минут, потому что из-за тура у меня очень поджимали сроки с текущим фильмом. И третий снова у Марка в кабинете, когда подписывали этот самый контракт. В этот раз занят был Дрю, он без конца и края утрясал что-то по телефону, а потом быстро черкнул ручкой в контракте и умчался. И каждый раз я не могу отвести от него глаз. Он настолько... ох, даже слов не подобрать! Вздыхаю, потому что ни черта не понимаю, как я собралась с ним работать.

Глава 9

Дрю

Я смотрю на ее широкую улыбку и не могу насмотреться. Мне кажется, я сошел с ума, но с губ так и рвется признание. Я все еще без ума от Долорес Диккенс. Сколько бы женщин не было в моей жизни – а их было предостаточно – никто так и не занял хотя бы маленький уголок в моем сердце, в котором всегда была она. Вы бы спросили: так почему я тогда не искал встреч с ней и не добивался? А я пожму плечами и отвечу: понятия не имею. Наверное, потому что все десять лет был самым ярким представителем семейства идиотов. Впитываю взглядом каждую черту Долли и не могу насмотреться. Она периодически ловит мой взгляд и улыбается шире. Ее маленький носик слегка кривится, когда она прищуривает глаза.

Долли светится. Она на своем месте. Мы в студии обсуждаем с группой процесс съемок. В эту небольшую комнату натолкалось столько народа, что кислорода едва хватает на всех нас. Но атмосфера настолько непринужденная и легкая, что столпотворение даже не чувствуется. Это потому что Долли здесь. Она шутит и смеется, пока знакомится с ребятами поближе. Ей хочется знать о них все, Долли впитывает каждое вылетевшее изо рта ребят слово. А они и рады хорохориться перед ней, потому что она заражает собой.

– Так, смотрите, – говорит Долли, хлопнув в ладоши, и все, как по команде, переключают свое внимание на нее. – Съемок самих концертных выступлений в фильме буде немного. Ну, то есть снимать мы будем много, но потом будем монтировать и нарезать кусочки, чтобы показать результат вашего труда. Но основной акцент будет сделан на подготовках к концертам. Репетиции, то, как вы проводите свободное время, то, как рождаются песни. Бесконечная вереница девушек в ваш автобус и безбашенные поступки.

– Мама меня из дома выгонит, – стонет наш басист Лиам.

– Я тебя приючу, если что, – подмигивая, отвечает Долорес.

– О, и меня выгонят, – встречает Ник, солист группы.

– Иди к черту, придурок, ты живешь сам. – Смеясь, Лиам толкает друга в плечо.

– А ты, значит, с мамой?

– Ну да.

– Она приехала к тебе погостить, пока в ее доме ремонт, – монотонно тянет Трей, перебирая между пальцами барабанную палочку.

Они начинают идиотскую перепалку.

– Тихо! – выкрикиваю я, и они замолкают, глядя на меня, как несмышленные щенки на папу. – Если мы сейчас не прекратим этот балаган, то никогда не выдвинемся в тур. Кончайте.

– О, я бы... – начинает Лиам, но я его перебиваю.

– Закончи мысль – и будешь бежать за автобусом до самого Сан-Франциско.

Парни опять смеются и толкают друг друга. Как дети. Долли смотрит на меня с интересом, но сразу отводит взгляд, когда я поворачиваюсь к ней.

– Продолжай, малышка До. – Со стороны диванов, на которых сидят мои парни раздаются различные звуки поощрения. – Заткнитесь, – рявкаю я, смущенный тем, что назвал Долли таким интимным прозвищем в присутствии группы. Они теперь мне жизни не дадут.

– Итак, – говорит она, вставая и начиная прохаживаться по комнате. Ее ярко-малиновая юбка в сочетании с армейскими ботинками и кожаной косухой творят что-то невероятное с моим либидо. Я отворачиваюсь, как будто рассматриваю инструменты у себя за спиной, а сам поправляю так некстати появившийся стояк. Из комнаты звукоинженера на меня с широченной улыбкой пялится Пит. Он кивает на Долли и показывает мне большой палец, делая вид, что второй рукой тоже поправляет выпуклость в штанах. Я незаметно показываю ему средний

палец, и мы оба усмехаемся. Да, чувак, она горячая, как ад. И такая неутомимая в постели, что каждый мужик в этом помещении, знай он это, уже бы весь мир к ее ногам положил.

Я пропустил половину речи Долли, а теперь повернулся и внимательно прислушиваюсь.

– То есть, – произносит она, размахивая руками, пока все присутствующие следят за ее жестами. – Вставки между концертами будут сняты в таком слегка состаренном стиле. Как будто это было давно, а концерт – это сегодняшний день. Чтобы сделать такие акценты, я иногда буду вас просить делать странные вещи. Например, вместо сигареты попросим Лиаму курить трубку. Запиши, – Последнее слово она кидает своему помощнику со странным именем ДиДи. – Или попросим Ника выйти на сцену во время генеральной репетиции в брюках, рубашке и подтяжках. А волосы соберем в аккуратный хвост и залижем в стиле гангстеров. – Записываешь? – снова небрежно спрашивает Долли, даже не дожидаясь ответа от помощника. Она знает, что он все сделает, как надо. ДиДи лениво кивает, вытянув вперед руку с диктофоном. Интересно, Долли в курсе, что он пишет это не в лежащий на коленях блокнот, а на диктофон?

– А я в чем буду на сцене? – спрашивает Диксон, который играет на скрипке.

Долли застывает посреди комнаты.

– А в чем ты обычно выступаешь?

– Не знаю, по-разному.

Долли жует свою розовую нежную губу и хмурит брови, а потом выдает:

– У вас есть песня. Эта... сейчас... – Она зажмуривается и щелкает пальцами, пока все застыли в ожидании. Мне приходится прикрыть рот рукой, чтобы она не видела, как меня забавляет вся эта ситуация. Одержимая идеей Долли – это нечто. – Там про... ну, она ушла, а он за ней гнался. А потом... – Она мычит нечто, похожее на песню, и вот уже улыбаются все. – А! вспомнила! «Остановись и выслушай», – напевает она.

– Ведь все совсем не так, – подхватывает Ник. – И невозможно выдержать.

– Да! Так вот в этой песне такое красивое вступление на скрипке. Я бы хотела, чтобы на репетиции ты, Диксон, был во фраке. Мы снимем вступление в стиле нуар, чтобы был такой знаете, богемный шик. Теплые темные оттенки. И твои черные волосы будут отлично смотреться и пальцы с кольцами. Не снимай их, в общем.

– Ты сумасшедшая, – смеется Лиам. Долорес застывает и смотрит на него. – В хорошем смысле, малышка До.

Она резко поворачивается и смотрит на меня, а я хмурюсь. Мне не нравится, когда кто-то помимо меня так ее называет. Надо не забыть сказать об этом парням.

– Она не малышка До, – говорит Ник, усмехаясь, – она Зажигалка. Долли, можно мы будем звать тебя так?

– До тех пор, пока вы выполняете на камеру все, что я вам скажу, можете звать.

– Заметано, – отвечает Ник и смотрит на меня. Чертыка подмигивает мне. Он понял.

В студию входит моя ассистентка Марла.

– Босс, автобусы подъехали. Там Барни с парнями уже грузят ваши вещи.

– О, эти сейчас нагрузят, – стонет Лиам, поднимаясь со своего места. – В прошлый раз мне чуть не пришлось натягивать твои стринги, Марла, чтобы я мог хотя бы выйти из душа.

– Пошел ты. Ты ж не нашел ничего лучше, чем пройтись голым через весь автобус.

– А в чем мне было идти? – спрашивает он, пока все понемногу двигаются к выходу.

– В полотенце, Ник. Все же лучше, чем светить у меня перед лицом своим шлангом.

– Я все жду, когда же ты оценишь его по достоинству, детка.

– Поседеешь, пока дождешься.

– Эй, чувак, я бы воспринял шланг, как комплимент, – кричит им в спину Трей.

– Ты и карандаш воспримешь, как комплимент.

Я уже не слышу, что там ответил Трей, потому что они выходят из студии. Остаемся только я, Долли и ДиДи. Пока она собирает в свою сумку кучу цветных листов и забавные ручки, которые выложила в начале встречи, я киваю ДиДи на дверь. Парень все понимает быстро и скрывается следом за моей командой.

– Доллс, – зову я, и она смотрит на меня. – Ты не передумала насчет моего автобуса?

Она улыбается. Широко и как-то даже нежно, отчего внутри меня разливается тепло.

– Спасибо, Дрю, но я буду ехать со своими ребятами. Мне нужно еще работать над старым фильмом, помнишь?

– Помню. – Хоть мне это и не по душе. – Но хотя бы один вечер проедешься со мной, чтобы поужинать?

– Просто поужинать? —спрашивает она, слегка прищурившись.

Не могу сдержаться рядом с ней, поэтому подхожу и нежно глажу ее щеку, заглядывая в большие светлые глаза.

– А это уже по желанию.

Долорес судорожно вздыхает, а я ловлю краем глаза движение в комнате звукоинженера. Гребаный Пит. Мог бы по-тихому покинуть свой пост на несколько минут.

– Все собрала? – спрашиваю я, отстраняясь.

– Да, – выдыхает Долли.

– Тогда идем.

Я беру ее за руку и вывожу из студии. Ее ладонь в моей чувствуется так естественно, так правильно. И я не уверен, что смогу в ближайшее время выпустить ее.

Глава 10

Долорес

– Дейв, зайди с другой стороны. Сними снизу от сцены. Хочу, чтобы ноги Ника казались бесконечными, – произношу я в гарнитуру, глядя на то, как солист «Крашез» застыл на сцене, исполняя балладу. Одну ногу он поставил на какую-то штуку и отклонился слегка назад. Надо будет поспрашивать моих ребят, как называется все это оборудование. Я смотрю на Ника и не могу оторвать взгляд. Кадр должен получиться потрясающим.

Как только Дейв располагается перед сценой, Трей резко бьет в барабаны и музыка становится буквально громогласной, прокатываясь по всему телу мурашками. Неосознанно тру плечи в попытке успокоить кожу. Это потрясающее ощущение – находиться на концерте такой группы, как «Крашез». Парни выкладываются на полную, разрывая публику своей энергетикой. Они так отдаются своему делу, что каждый аккорд проходит сквозь тебя и пропитывает душу. Учитывая то, насколько участники группы привлекательные, я прекрасно понимаю девушек, которые буквально рвут глотки от крика. Вот уже весь зал подпевает припеву.

– Дейв, сними первые ряды. Да, тех кто ближе к тебе. Истерики девушек старайся пропускать, мы не концерт «Битлз» снимаем. Бери в фокус тех, кто подпевает без вселенской скорби на лицах.

Опускаю взгляд на маленький монитор и практически визжу от восторга. У некоторых людей такое вдохновение на лицах, как будто Ник со сцены проповедует новую религию, а толпа покорно идет за ним. Дейв выхватывает самые взрывные моменты концерта, и я задумываюсь о том, как мы с Робом будем вырезать ненужные куски. Благодаря работе операторов и живому отклику зрителей на концерте покровосать пленку будет той еще задачей. Когда все будет загружено в автобусы, а команда, изрядно отметив концерт, разойдется по автобусам спать, мы с Робом, вероятнее всего, засядем за работу.

Наш тур длится уже две недели, и я почти не спала в нем. Почти все время в дороге было потрачено на монтаж предыдущего фильма. Остались только небольшие штрихи и его можно отправлять продюсеру на утверждение, а там уже и в звуковой отдел. Мы на финишной прямой, но какой ценой дается этот забег, одному Богу ведомо. Я держусь на кофе и энтузиазме. Ну, и на адреналине от близкого присутствия Дрю Нортон и, конечно, от концертов. Парни заряжают своей энергией так, что кажется, словно я могу пробежать марафон после их концерта.

Чувствую себя так, как будто употребила наркотики. Все чувства обострены, а реальность слегка размытая. В крови бурлят восторг с возбуждением, и теперь я точно понимаю фанаток, которые рвутся к парням в автобус после их выступления. Последние аккорды песни стихают и зал взрывается криками, аплодисментами, визгами и свистом. Воздух наполнен страстью и силой. Я подсакиваю с кресла и начинаю прыгать вместе со всеми. С ума сойти, такая энергетика. Тут ко мне подходит Дрю и я, не осознавая своих действий, бросаюсь ему на шею. Он широко улыбается и прижимает меня к себе. Крепко. Еще крепче, пока я не чувствую твердость, прижавшуюся к моему животу.

Дрю наклоняется и зарывается лицом мне в шею. Его мягкие губы проходятся по нежной коже, заставляя меня содрогаться. Возбуждение усиливается, подстегиваемое его близостью и криками взбудораженной толпы. Мне нужно отстраниться от него, но я не могу, слишком слаба в этот момент. Нервная система полностью отказывает, как тормоза в поломанной машине. Я притягиваю голову Дрю ближе, прижимаюсь к нему всем телом, наслаждаясь ощущением его возбуждения, которое таранит мой живот.

Дрю подхватывает меня на руки и уносит за кулисы. Я послушно обхватываю его бедра ногами. Рев толпы немного стихает, но мне на это плевать. Я даже не думаю о том, что кто-то может увидеть нас. Любой, у кого есть глаза, однозначно заметит мелькнувшее между шторами

лимонное цвета платье, буквально обернутое вокруг мужчины в костюме. Дрю несет меня, не отрываясь от моей шеи, постоянно целует ее, посасывает и кусает, а я откинула голову, чтобы предоставить ему лучший доступ. Я так взбудоражена, что способна сейчас насладиться даже трехминутным сексом где-нибудь в пыльной подсобке. Он приносит меня в какой-то угол за сценой, садит на высокую колонку, заключает мое лицо в свои широкие ладони и, буквально на секунду скользнув по моему лицу взглядом, впивается в губы. Черт, до чего же это приятно. Как будто и не было десяти лет. Я все так же сильно хочу его. Вцепляюсь в его запястья, чтобы не дать отстраниться. Мы заново пробуем друг друга на вкус, впитываем каждое мгновение нашего соединения. Одержимы тем, что между нами происходит. Где-то там, на самом краю сознания маячит мысль, что нужно остановить это безумие, но я даю себе небольшую отсрочку. Совсем маленькую, чтобы насладиться его соскользнувшей рукой, которая сейчас сжимает мою грудь, пропуская сосок между пальцами. Крохотную, чтобы почувствовать, как второй рукой он притягивает меня за бедра ближе к себе, и я чувствую твердую выпуклость своей сердцевинкой. Он слегка толкается ко мне, и я шумно выдыхаю ему в рот с негромким стоном. Так чертовски приятно.

– Долли! – слышу где-то рядом крик Дилана и меня как будто насильно вырывает из дымки похоти. – Долли, ты где-то рядом, я чувствую запах твоих духов.

– Молчи, – шепчет Дрю мне в губы. – Не откликайся.

Я начинаю медленно качать головой, глядя в его бездонные глаза. Я едва ли вижу их, но лихорадочный блеск, отражающийся в них, и страсть, которыми они горят, точно четко различимы.

– Малышка До.

– Нет, прости. Мне пора.

Я как будто возвращаюсь на землю и все вокруг обретает такие резкие черты, как будто я стала видеть лучше за последние несколько минут. И все это между нами... не должно было случиться. Я ведь знала, что наброшусь на него при первой же возможности. Дрю всегда был моей слабостью, с того самого нашего первого раза. И я снова не смогла отказать себе в том, чтобы полакомиться хотя бы кусочком.

Я слегка отталкиваю его и спрыгиваю с колонки. Дрю не сопротивляется. Он стоит и смотрит на меня с сожалением, потирает шею и тяжело, прерывисто дышит. Ненавижу этот взгляд. Как будто я намеренно переехала на машине его любимую собаку.

– Господи, не смотри на меня так, – прошу я, поправляя платье. – Этого не должно было произойти. Просто концерт и вся эта возбужденная толпа, и музыка. Я...

– Я никогда не забывал тебя, Долли.

– Вот черт, – выдыхаю я, зажмурившись. – Зачем ты говоришь это?

– Хочу, чтобы ты знала, – просто отвечает он, а потом я чувствую горячие ладони на своих плечах. – Посмотри на меня. – Я качаю головой, как маленький провинившийся ребенок. – Долли, – зовет он нежнее, – взгляни на меня, пожалуйста.

Приоткрываю один глаз и осторожно приподнимаю голову. Дрю широко улыбается, а потом притягивает меня в свои крепкие объятия.

– Ты потрясающая, – произносит он и целует меня в макушку.

– Ты тоже, – отвечаю я, обвивая его талию руками.

– Вот ты где! —раздается за моей спиной, и я стремительно отскакиваю от Дрю. – Я тебя обыскался. Идем, все грузятся в автобусы. Оу, я что-то прервал? —ДиДи резко притормаживает и немного смущенно смотрит на нас.

– Нет, все нормально, – отвечает Дрю.

– А афтепати? – спрашиваю я.

– Какое пати, Долли? Завтра нужно отправить Бирману два эпизода. – Я обреченно киваю. Ну, здравствуй еще одна бессонная ночь и галлон кофе. Радует только то, что завтра у всех выходной и я смогу отоспаться.

– Мне пора, – обращаюсь к Дрю.

– Я провожу, – отвечает он.

Я уже открываю рот, чтобы запротестовать, но Дрю хватает меня за руку и решительным шагом направляется к выходу. Мы минуем несколько поворотов коридора и проходим по длинному на выход из здания. По дороге встречаем Ника, который заинтересованно поглядывает на нас.

– Откроешь рот – будешь петь фальцетом, – предупреждает его Дрю, а Ник показывает жестом, как застегивает свой рот на молнию и подмигивает мне.

Достаточно быстро мы доходим до моего автобуса и останавливаемся. ДиДи становится рядом. Дрю смеривает его тяжелым взглядом и Дилан начинает мяться.

– Ну, я подожду в автобусе. Спокойной ночи, Дрю.

– Пока, Дилан, – отвечает тот, уже глядя на меня. Дрю поднимает руку и гладит мою щеку тыльной стороной ладони. – Как же я, оказывается, скучал по тебе.

– Прекрати, – прошу я. Его слова творят невероятное с моими внутренностями. Не уверена, что готова к таким откровениям. —Мне пора.

– Не прекращу. Ты открыла ящик Пандоры, как только я вспомнил твой вкус. – Он наклоняется ниже и шепчет мне на ухо. – Твой вкус *там* я тоже помню. – От этих слов по коже прокатываются мурашки. Дрю нежно касается губами моей щеки. Спокойной ночи, малышка До.

– Спокойной, – задумчиво отвечаю я, глядя на его удаляющуюся спину.

Тяжело вздыхаю. Ну и как, черт возьми, я собираюсь пережить этот тур?

Глава 11

Дрю

Как только автобус останавливается, я беру сумку с ноутбуком, забрасываю себе на плечо, подхватываю дорожную с вещами и выхожу на улицу. Мы были в пути трое суток. В эти дни я почти не видел Долли, хоть и пытался прорваться к ней. Но она заперлась в своем автобусе с редактором-монтажером Робом, чтобы закончить линейный монтаж. Я видел Долорес только мельком, когда на стоянках дверь автобуса была открыта, чтобы впустить туда свежий воздух, и еще в тот раз, когда заносил ей стакан с кофе. Гигантская порция латте, за которую Долли была чертовски благодарна. Она даже выгнала из автобуса Роба и позволила немного себя потискать. Правда потом заявила, чтобы я не рассчитывал на большее. Я кивнул, чтобы она успокоилась, а себе пообещал, что это большее случится в самое ближайшее время.

Выхожу из автобуса и смотрю по сторонам. Мы на большой парковке отеля в Бостоне, штат Массачусетс. Из своих автобусов высыпают члены группы, вспомогательный персонал и съемочная команда Долли. Ее самой нет. Прохожу через толпу, здороваясь со всеми, и направляюсь напрямик к автобусу Долорес. Меня беспокоит то, что она так и не вышла.

– Эй, босс, там проблема, – кричит мой помощник Сэм, размахивая телефоном.

Подхожу ближе.

– Что случилось?

– В номере Долорес какая-то неприятность случилась, а других номеров нет.

– Я могу быть с ней в одном номере, – встревает Дилан, и я окидываю его холодным взглядом.

Наклоняюсь к нему немного ниже.

– Брякнешь ей эту идею, я тебе ноги поломаю.

Тщедушный паренек немного сжимается и делает шаг назад. Он с минуту смотрит на мое лицо, а потом расслабляется и пытается скрыть улыбку за поджатыми губами.

– Понял. – Черт его знает, что он там понял по моему лицу, но выяснять не собираюсь. Мне главное – результат. Хрена с два я позволю спать другому мужику с ней в одном номере отеля, пусть и тому, кто больше смахивает на гея.

Снова поворачиваюсь к Сэму.

– Распорядись, чтобы вещи Долорес перенесли в мой номер.

– А...

– А об остальном я позабочусь сам.

Дожидаюсь кивка и снова иду в сторону автобуса Долли. Теперь мой шаг решительнее. Нельзя давать ей и шанса исправить ситуацию с отелем. Если хорошенько подумать, в Бостоне больше одного отеля, поэтому можно было бы забронировать для нее другой. Но я быстрее займу место Ника на сцене, чем отпущу Малышку До от себя хотя бы на метр. Стучу в дверь, но никто не открывает, я начинаю изрядно нервничать.

– Она спит, – раздается услужливый голос Дилана за моей спиной.

Поворачиваюсь и окидываю его вопросительным взглядом.

– Спит?

– Да, они с Робом работали до утра, чтобы успеть к девяти часам отправить смонтированную серию.

– А Роб?

Дилан пожимает плечами.

– Тоже, наверное, спит.

Я разорву этого мудака, если спит он рядом с Долорес. В голове тут же начинают мелькать картинки того, как я вхожу в автобус, прохожу в самый конец к спальне и застаю на двухспальной

кровати два обнаженных сплетенных тела. Сжимаю челюсти, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Ставлю сумки на землю и показываю на них Дилану.

– Присмотри.

Распахиваю дверь автобуса и поднимаюсь по ступенькам, уговаривая себя не психовать. И когда это во мне поселился ревнивый монстр? Я не видел Долорес Диккенс добрых десять лет, она никогда безраздельно мне не принадлежала. Но стоило вспомнить, какая она на вкус и насколько отзывчива в моих объятиях, я готов мочить всех мужчин в округе, чтобы не смели к ней прикасаться. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что сейчас мне в спину смотрит пара десятков людей. Они видят, в каком настроении я вхожу в чужой автобус, что на моем лице написано желание убивать. Я даже наверняка знаю, что травли со стороны участников группы мне не избежать, но написанная на моем лице эмоция полностью соответствует тому, что у меня внутри, так что ближайшие пару часов вряд ли кто-то захочет со мной связываться.

Оказавшись на верхней ступеньке, я застываю. На диване в проходе спит Роб, запрокинув голову. Рот открыт и он храпит так, что, кажется, автобус содрогается. Прокатившееся по моему телу облегчение позволяет вновь начать нормально дышать полной грудью. Прохожу мимо этого спящего медведя и двигаюсь в конец автобуса. Попутно отмечаю беспорядок, грязные чашки из-под кофе и разбросанные на столике с ноутбуком записи. Да уж, дорожные условия для работы не идеальны, но я все равно рад, что Долли согласилась создавать фильм практически на коленке.

Открываю дверь в спальню и останавливаюсь. На большой кровати, свернувшись клубочком под толстым пледом, спит Долли. Она такая безмятежная во сне, совсем не та взбалмошная, вечно бегущая куда-то женщина. Сейчас она спокойная и умиротворенная. Такая, какой я хочу ее видеть, но в своих объятиях. Подхожу к кровати, присаживаюсь на край и убираю с лица Долли светлый локон. Тру его между пальцев, наслаждаясь шелковистостью и мягкостью, а потом наклоняюсь и вдыхаю цитрусовый запах. На лице появляется улыбка от мысли о том, насколько сильно этот запах подходит Долли. Обычно женщины выбирают что-то нежное цветочное или нейтральное, и только малышка До выбрала немного резковатый, горьковатый запах грейпфрута, который ассоциируется со свежестью и яркими эмоциями.

Провожу ладонью по нежной щеке, надеясь мягко ее разбудить, но Долорес даже не шевелится, только шумно вздыхает.

– Долли, – шепчу ей на ушко. – Милая, просыпайся.

Она тихонько стонет и еще сильнее сворачивается клубочком. Мне хочется плюнуть на все и лечь рядом с ней, обнимать ее и слышать тихое сопение. Любоваться хмуро насупленными бровями, когда ей будет снится что-то не совсем приятное, и ловить легкую улыбку, если во сне она будет видеть то, что ей нравится. Вдыхать цитрусовый запах, смешанный с присущим только ей ароматом. Чувствовать, как она жметя ко мне ближе в поисках тепла и уюта. Представляю себе, что как только обниму ее, она покрутится немного и будет слегка хмуриться, а потом прижметя своим крохотным телом и со вздохом расслабится. Такие романтические мысли и такой циничный стояк. Долли вызывает в моем теле определенные реакции, которые я не в силах скрывать.

– Малышка До, просыпайся, мы на месте, — шепчу на ушко, шумно втягивая воздух у ее шеи. Потому что она такая нежная, с тонкой светлой кожей, этим ее запахом, а еще даже во сне покрывается мурашками. Стискиваю зубы, потому что сейчас не время. – Долли, детка, проснись, – говорю немного громче и слегка толкаю ее плечо.

Долорес даже толком не шевелится, она очень крепко спит. Я знаю, что она будет зла на меня за то, что я собираюсь сделать, я и сам не в восторге от идеи, но другого выхода нет. Или мне просто хочется в это верить. Я мог бы попросить водителя автобуса постоять здесь еще пару часов, чтобы она выспалась, но я эгоистично хочу видеть ее светлые локоны разметавшимися по подушке в моем номере. И хочу, чтобы ее запах впитался даже в эти чужие стены.

Чтобы не только я вдыхал умопомрачительный аромат Долли, но и все знали, как она пахнет. Мне как будто хочется поделиться ее уникальностью с миром, не отдавая ее никому.

Плотнее заворачиваю Долли в плед и поднимаю на руки. Она жметя ко мне и хватает за футболку. Вздыхает и тихо стонет.

– Дрю, – а потом снова засыпает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.